

УДК 930:355/359.07

Авилов Р.С.
Avilov R.S.

«Поверочная мобилизация» войск Приамурского военного округа в 1896 г. как способ оценки мобилизационной готовности военных частей

The «test mobilizations» of troops in Priamurskiy Military District in 1896 as a way to appreciate the mobilization readiness of military forces

В данной статье, на материалах военно-окружного делопроизводства Приамурского военного округа, исследуются проблемы мобилизационной готовности войск округа в период между Японо-китайской войной 1894–1895 гг. и Китайским походом 1900–1901 гг. Одним из важнейших способов проверки мобилизационной готовности войск в русской армии были так называемые «поверочные», т.е. пробные мобилизации отдельных частей и соединений. В статье исследуется одна из первых таких мобилизаций, проведённых в Приамурском военном округе, её причины и результаты.

Ключевые слова: *Приамурский военный округ, Дальний Восток России, русская армия, пробные мобилизации, Японо-китайская война 1894–1895 гг.*

This paper examines the problems of mobilization readiness of the troops of Priamurskiy Military District in the period between the Sino-Japanese War of 1894–1895 and the China campaign of 1900–1901, in a source of the military district's military routine correspondence. In Russian Army one of the most important way to control the troop's mobilization readiness were the so-called «test mobilizations» of several troops or divisions. In this article investigates one of the first of such mobilizations, which took place in Priamurskiy Military District, its occasions and results.

Key words: *Priamurskiy Military District, Russian Far East, Russian Army, test mobilizations, Sino-Japan War 1894–1895.*

Во 2-й половине XIX – начале XX в. Дальний Восток постоянно был регионом со стремительно меняющейся внешнеполитической, а отчасти и военно-стратегической ситуацией. Японо-китайская война 1894–1895 гг.¹ стала рубежом, с которого начался новый этап развития сухопутных сил России на Дальнем Востоке [2, с. 311–312, 315–316], поскольку на этот раз военно-политическая ситуация в регионе изменилась не только резко, но и кардинально. «Японско-китайская война доказала слабость Китая и в то же время определила серьёзное военное значение на Дальнем Востоке Японии. Россия вместе с другими державами вынудила Японию покинуть завоёванный ею Квантунский

АВИЛОВ Роман Сергеевич, к.и.н, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (г. Владивосток). **E-mail:** avilov-1987@mail.ru

¹ Все даты даны по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю. В отдельных случаях в скобках также указана дата по григорианскому календарю, т.е. по новому стилю.

полуостров с Порт-Артуром. Это создавало первый и решительный шаг к тому, чтобы на Дальнем Востоке поставить Японию в ряды наших врагов», – писал позднее А.Н. Куропаткин [9, с. 148]. Теперь основную опасность для побережья Приморской области стала представлять именно Япония, которая после реставрации Мейдзи сильно окрепла в военном и политическом плане и постепенно начала теснить Британскую империю и США на Тихом океане. Появилась и реальная возможность вторжения войск этой страны в Россию через территорию слабеющего Китая, где к тому же всё чаще стали наблюдаться различные националистически окрашенные народные движения, также небезопасные для России. (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 9 об.–11, 20 об.–21 об.) [3, с. 149–158].

Российское правительство вынуждено было учитывать изменение стратегической обстановки в регионе. Начиная с 1895 г. активнее стали проводиться мероприятия, направленные на общее усиление Приамурского военного округа, к числу которых можно отнести и «поверочные», т.е. пробные мобилизации войск округа. Они представляли собой мобилизацию отдельных воинских частей с целью проверить как подготовительные к мобилизации работы, так и общую степень готовности части к выступлению в поход [16, с. 255]. В настоящее время для наименования комплекса сходных по задачам мероприятий используется термин «неплановая проверка состояния войск».

Особое внимание при такой проверке обращали на состояние всех необходимых документов, наиболее важными из которых были местные мобилизационные росписания. Именно они клалась в основу мобилизационных планов, составляемых в войсках, управлениях и учреждениях и содержащих подробный порядок всех мобилизационных работ и распределение их во времени. Эти планы составлялись на основе особых наставлений [10], включали в себя мобилизационную записку и мобилизационный дневник. Последний имел «чрезвычайно важное значение, потому что даёт во времени перечень работ каждому лицу, принимающему участие в работах по мобилизации». Именно этот документ, в случае его качественного составления, позволял, по получении приказа о мобилизации, всем действовать по плану самостоятельно и быстро, не «испрашивая дополнительных указаний», разъяснений, не перегружая этим телеграфные линии и не тормозя весь мобилизационный процесс.

На начальствующих лиц была возложена обязанность при каждом удобном случае проверять, в том числе на практике, достаточно ли твёрдо и «сознательно» усвоены их подчинёнными мобилизационные обязанности, находятся ли в полной готовности и исправности неприкосновенные запасы [5, с. 353; 7, с. 369].

В Приамурском военном округе, с момента его создания в 1884 г. проверка всего этого обычно происходила во время инспектирования частей войск Командующим войсками округа или каким-либо специально командированным офицером [1, Ч. I. с. 65–84]. Никаких поверочных мобилизаций в округе до 90-е гг. XIX в. не знали. Любопытно, что некоторые служившие на Дальнем Востоке офицеры Генерального штаба обобщали их внезапно появление заимствованием опыта Киевского военного округа, где их активно практиковал Командующий войсками, генерал М.И. Драгомиров [4, № № 68–69, с. 31–32].

На самом деле, они являлись прямым следствием именно Японо-китайской войны 1894–1895 гг., показавшей, что у России появился в регионе новый могущественный соперник [15, с. 83], а также вмешательства России в ход завершавших войну Симоносекских мирных переговоров с целью лишить Японию значительной части территориальных приобретений [8, с. 127–128; 14, с. 4; 18, с. 45–47; 20, с. 286; 21, с. 79–85] (в том числе Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, который японская

армия в ту кампанию первый раз взяла штурмом [20, с. 197–222]) (ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 10–10 об.), и мобилизации войск Приамурского военного округа весной 1895 г., которая наглядно демонстрировала серьёзность этих требований к Японии [3, с. 150–157; 6, с. 246–248; 14, с. 171–176].

В целом, в период 1895–1900 гг., т.е. между мобилизацией 1895 г., вызванной угрозой войны с Японией, и мобилизацией 1900 г., вызванной последствием набравшего силу восстания ихэтуаней, подобных «поверочных» мобилизаций отдельных частей округа было проведено не менее двух: в 1896 г. [13, Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.] и 1899 г. [11, Приказание № 29 от 10 февраля 1900 г.].

В данной статье будет рассмотрена «поверочная» мобилизация 1896 г., представляющая интерес по двум причинам. Во-первых, она была проведена через год после реальной мобилизации войск Приамурского военного округа весной 1895 г., и, соответственно отчётные документы об её итогах позволяют увидеть, насколько возросла мобилизационная готовность войск за прошедший год и удалось ли ликвидировать выявленные в 1895 г. недоработки. Во-вторых, это вообще первая из такого рода мобилизаций, сведения о которых удалось обнаружить к настоящему времени.

Осуществлялась пробная мобилизация 1896 г. не одновременно во всех военных частях округа как реальная, а в виде нескольких независимых мероприятий, проведённых в апреле и июне 1896 г. в отдельных частях округа или группе частей, в случае нахождения их в непосредственной близости друг от друга в пределах одного населённого пункта [13, Свод главнейших замечаний из отчётов комиссий, наблюдавших за производством поверочных мобилизаций в 1896 г. (Далее – «Свод...») // Приложен к Приказу № 368 от 31 октября 1896 г.].

Список подлежащих такого рода проверке частей утверждался лично Командующим войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенантом С.М. Духовским. Проверяли части, соединения и учреждения, расположенные в крупнейших и важнейших со стратегической точки зрения пунктах округа, а именно, в г. Хабаровск: 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон и Хабаровского местного воинского начальника; г. Благовещенск: 2-й Восточно-Сибирский линейный батальон; с. Никольское: 3-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, 1-ю мортирную батарею (с горной полубатареей) 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады; в урочище Новокиевское: 10-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. Также были проверены № 1-й и № 2-й Южно-Уссурийские полевые подвижные госпитали, однако данные об их состоянии пока не обнаружены [13, «Свод...», Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.].

Готовились к этой «поверочной» мобилизации, как первому мероприятию такого рода в Приамурском военном округе, очень тщательно. В начале 1896 г. Окружным штабом было издано специальное «Наставление для производства поверочной мобилизации в частях войск, управлениях и заведениях Приамурского Военного Округа», чётко регламентировавшее весь порядок проведения мобилизации. На основании него, в каждой части была создана особая наблюдательная комиссия для наблюдения за ходом мобилизационных работ. В их задачу входило представить Командующему войсками округа и в Окружной штаб подробные донесения как о ходе работ, «так и о своих при этом заключениях» [13, Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.] Иными словами, именно они должны были сделать первичный вывод о боеготовности мобилизованных частей, проанализировать выявленные недостатки и указать способы их устранения.

В бюрократическом плане первый блин оказался немного комом, поскольку, когда результаты работы этих комиссий легли на стол генерал-лейтенанту С.М. Духовскому, он обнаружил, что «они составлены по крайне разнообразной форме, а главное – не в требуемой полноте, что чрезвычайно затрудняет общую их сводку и сравнение результатов, достигнутых разными частями войск» [13, Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.]. И это при том, что в работе как минимум одной из комиссий принимал участие лично Н.И. Гродеков, временно исполнявший тогда должность Командующего войсками Приамурского военного округа (С.М. Духовской отсутствовал в округе почти год; он выехал из Хабаровска в Санкт-Петербург ещё 17 сентября 1895 г. и вернулся обратно только 31 июля 1896 г.) [4, № № 59–60, с. 31; 12, Приказ № 210 от 15 сентября 1895 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1336. Л. 180; 13, Приказ № 277 от 4 августа 1896 г.]. В конце октября 1896 г., когда все материалы уже поступили в Окружной штаб, а значит и легли на стол С.М. Духовскому, ему пришлось самому объяснять, что отчёты эти не должны быть подробными перечнями того, что исполнено во время пробной мобилизации, а должны содержать сведения обо всех замеченных упущениях и недостатках, а также о том, что было сделано для их устранения или что, по мнению комиссии, для этого нужно сделать.

В этой связи он распорядился «впредь отчёты о пробных мобилизациях составлять по системе, принятой в «Наставлении для мобилизации частей действующей и резервной пехоты», изд. 1888 г. [10] и соответствующих «Наставлений» для прочих родов оружия, т.е. разделять отчёты на те же отделы и §§, которые значатся в «Наставлениях», излагая во всех подробностях замеченные недостатки и свои по ним заключения, и пропуская те отделы и §§, по которым упущений и недостатков не замечено» [13, Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.]. В дальнейшем, при проведении поверочных мобилизаций в округе использовался именно такой порядок составления отчётной документации, и нареканий со стороны Командующих войсками на работу комиссий более не было.

Не обошлось без некоторых накладок и у принимавших участие в работе комиссий офицеров, в том числе – Генерального штаба. Особенно тяжело пришлось новичкам, мало знакомым с весьма специфическими условиями службы на далёкой окраине. Один из таких комичных случаев описал в своих воспоминаниях барон Алексей Павлович фон-Будберг. Будущий многолетний начальник штаба Владивостокской крепости, герой Первой мировой войны и активный участник войны Гражданской был тогда молодым 27-летним Генерального штаба штабс-капитаном, только что прибывшим на Дальний Восток и назначенным в строевое отделение Окружного штаба Приамурского военного округа, ведавшее всеми вопросами по обучению войск и подготовке их к войне [1, ч. II, с. 309–310; 4, № № 59–60, с. 28–33].

«Первый мой полевой выезд – вспоминал А.П. Будберг уже в начале 1930-х гг. – был на смотр поверочной мобилизации 10 Восточно-Сибирского батальона [автора немного подвела память, поскольку батальон этот хотя и проверялся в ходе мобилизации, но стоял в урочище Новокиевском, а так как речь идёт о части, дислоцировавшейся в Хабаровске, то имеется в виду 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон. – Р.А.]; я был назначен ординарцем к вр. командовавшему войсками Округа генералу Гродекову, для записи делаемых им замечаний и указаний; своей лошади у меня не было и пришлось просить командира стоявшей в Хабаровске батареи дать мне на время смотра верховую лошадь; моя просьба была выполнена, но мне дали какого-то дикого буцефала, который всё время пытался цапнуть зубами за Гродековские лампы, что ставило меня в отчаянное положение: надо было ехать рядом с началь-

ством, слушать и записывать его замечания и в тоже время следить, чтобы мой конь не отхватил куска ноги Его Превосходительства. Несмотря на 150 мороза я вернулся домой совершенно мокрым и с онемевшими от напряжения руками; при первой встрече с командиром батареи, угостившим меня таким конём, я поблагодарил его за доставленное мне удовольствие, на что получил ответ, что мне дали лучшую в батарее лошадь, знаменитую тем, что она сама умела отыскивать в тайге дорогу домой, куда бы её не завели; из этого я понял, что в оценке лошадей каждый монастырь имел свой устав» [4, № № 59–60, с. 31].

Описанный выше смотр 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона проходил в г. Хабаровск 1–4 апреля и выявил картину достаточно удручающую. Работы по мобилизации в батальоне не были распределены между должностными лицами. В результате, должного порядка в мобилизационных документах не было: при мобилизационной записке отсутствовали именные списки, а мобилизационного дневника в части вообще не оказалось. Не были составлены описи вещей по категориям. Конюхи и обозные чины оказались крайне малоопытными в пригонке амуниции и запряжке лошадей, что навело проверяющую комиссию на мысль о необходимости иметь в части «хоть несколько подготовленных к этому людей». Вывод был неутешителен: «В общем недочёты подготовительных работ заставив уже во время самой мобилизации исполнять то, что должно было быть сделано до нея, – придали самому исполнению мобилизации характер спешности и суетливости» [13, «Свод...»]. Зато в Управлении Хабаровского местного воинского начальника был порядок – все положенные книги имелись на лицо и велись правильно.

Далее, 4–10 апреля, на примере 2-го Восточно-Сибирского линейного батальона была проверена мобилизационная готовность частей гарнизона г. Благовещенска в Амурской области. Здесь основные проблемы оказались с организацией обоза, укладку которого оставляла желать «весьма многого». Начальники отделений обоза не твёрдо знали, что везётся в повозках их отделений. Не было в батальоне уделено должного внимания и заблаговременной подготовке личного персонала обоза. «В обозе каждое отделение, каждая повозка должны иметь своего ответственного хозяина; подготовить их надо раньше, – и кому чем придётся везать в военное время, того тому и учить в мирное», – констатировала поверочная комиссия, явно намекая на известную максиму из суворовской «Науки побеждать» [13, «Свод...»].

Почти параллельно происходил осмотр частей в с. Никольское Приморской области. С 4 по 8 апреля комиссия оценила мобилизационную готовность 3-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона [13, «Свод...»], входившего в состав 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6.). В этом батальоне мобилизационные документы тоже оказались весьма далёкими от идеала. Когда комиссия обнаружила, что в именных списках, приложенных к мобилизационной записке, попадают фамилии лиц, давно выбывших из батальона, она вполне справедливо заключила, что «полезнее для дела было бы иметь уже совсем чистые бланки, чем такие несоответствующие действительности списки» [13, «Свод...»]. Впрочем, и то и другое было нарушением соответствующих нормативно-правовых документов. Здесь же наглядно проявились и другие особенности дальневосточных войск, которые, по меткому выражению того же А.П. Будберга, «представляли собой в сущности военно-поселённые рабочие команды, с чрезвычайно своеобразным укладом всего своего быта, занятого преимущественно всевозможными работами по удовлетворению насущных хозяйственных потребностей – рубки и сплава дров, заготовки овощей и сена, ловли рыбы, выделки кирпича и других строительных материалов, шитья одежды и

сапог, выделки мебели и пр. и пр. с самым сильным, конечно, уклоном в сторону накопления хозяйственных сумм и личной пользы командного и хозяйственного персонала, жившего порядками, напомиравшими помещичью жизнь времён крепостного права.

Настоящей войсковой службы и правильных занятий почти не было и в помине, ибо весь уклад определялся исключительно хозяйственными потребностями, неудовлетворение которых грозило оставить части без топлива, без овощей, без рыбы; единственной регулярной службой офицеров были однообразные и монотонные и с грехом пополам отбываемые караульные наряды и дежурства» [4, № 58, с. 14–15].

В данном же случае поверочная комиссия отметила, что в мобилизационные соображения батальона не были внесены крупные «домашние» расходы людей в кедровник и на железнодорожные работы [13, «Свод...»]. Разумеется, официально учесть отправку людей «в кедровник», явно находившийся на значительном удалении от с. Никольское, было нельзя, однако иметь это ввиду – безусловно, необходимо. В то же время строительством Уссурийской железной дороги войска занимались вполне официально, и этот расход в документах уже точно должен был отмечаться.

Не лишённым недостатков оказалось и делопроизводство по интендантской части, по поводу чего комиссия признала, что при плане мобилизации полезно иметь копии отправляемых требований на разные виды довольствия, «без чего трудно поверить, какие именно вещи и деньги ожидаются к отпуску от Интендантства».

Ознакомление с мобилизационной готовностью артиллерийских частей показало те же недостатки. В горной полубатарее¹ при 1-й мортирной батарее 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады мобилизационный план составлял часть плана 1-й мортирной батареи. В результате, новый пришлось составлять во время самой мобилизации, что было грубейшим нарушением и отразилось на полноте и качестве плана. С практической частью тоже не всё прошло гладко. Так, имела место задержка в пригонке сбруи для полубатарей. Увиденное навело комиссию на мысль о том, что «для ускорения пригонки полезно одновременно с приёмом лошадей и составлением описей производить обмеры [их] роста и шей».

Саму 1-ю мортирную батарею 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, дислоцировавшуюся в том же с. Никольское, мобилизовывали 17–20 июня. Здесь офицеры заранее «путём практики ознакомлены с укладкой орудий и обоза, но сама укладка, видимо, на практике мало подвергалась испытанию перевозкой; иначе предметы одной категории не оказались бы без нужды разбросанными по разным повозкам и не укладывались рядом такие предметы, которые при перевозке неминуемо попортили бы друг друга» [13, «Свод...»].

Пожалуй, наиболее полное представление о типичных ошибках воинских частей Приамурского военного округа при мобилизации дал опыт 10-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, входившего в состав 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады и дислоцировавшегося в урочище Новокиевское (современный пос. Краскино Приморского края) (РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6). Проведённая с 12 по 15 июня пробная мобилизация этого батальона показала практически все недостатки, выявленные до этого в мобилизационной готовности других частей. Мобилизационная записка в нём была составлена хотя и обстоятельно, но несколько кратко, – иногда в ущерб ясности. Был слабо разра-

¹ Высочайше утверждённым 27 февраля 1896 г. положением Военного Совета эта горная полубатарея была переформирована в 5-ю горную батарею (пешую) этой же бригады.

ботан отдел о вьючном обозе, не приведены соображения по снабжению прибывающих из запаса людей готовыми вещами, а именные списки вообще не были составлены. Имущество батальона не было разделено по категориям. Описи имуществу, остающемуся в месте постоянной дислокации при выступлении части в поход, тоже составлено не было.

Когда комиссия осмотрела нижних чинов батальона, приготовившихся к выступлению в поход, то оказалось, что укладка ранцев разнообразна, «взято много к походу ненужного: лишние рубахи, тёплые вещи (несмотря на июль месяц), книжки сберегательной кассы, взята вакса, а сала для смазки сапог не взято. Вообще в отношении укладки ранцев видно мало внимания со стороны ротных командиров». Сапоги у некоторых нижних чинов оказались совсем не годные, – недосмотр для пехоты непростительный.

Особое недовольство комиссии вызвало именно наличие у солдат при себе сберегательных книжек. «Необходимо объяснить нижним чинам, что для их же пользы следует при мобилизации книжки сберегательных касс сдавать установленным порядком командиру запасной роты, где они будут сохраннее и не пропадут для семьи в случае смерти» [13, «Свод...»].

На основании полученных от поверочных комиссий данных в Окружном штабе, начальником которого был генерал-майор К.Н. Грибский, составили «Свод главнейших замечаний из отчётов комиссий, наблюдавших за производством поверочных мобилизаций в 1896 г.», который, вместе со всеми остальными документами, и лёг на стол уже вернувшемуся в округ Командующему войсками генерал-лейтенанту С.М. Духовскому. В дальнейшем он был отпечатан в типографии Окружного штаба и доведён до сведения войск в качестве приложения к секретному Приказу войскам Приамурского военного округа № 368, отданному С.М. Духовским 31 октября того же года [13, «Свод...», **Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.**].

Командующий войсками округа предписал принять его к сведению на будущее время и предложил обратить особое внимание на выработку самого тщательного и целесообразного способа укладки повозок обоза в отношении сбережения вещей и удобства пользования ими, при всякой возможности проверяя и совершенствуя уже выработанные способы.

«Общие результаты поверочных мобилизаций убеждают меня, – писал С.М. Духовской, – что в общем работа по подготовке частей к походу идёт правильно, добросовестно и успешно. Уверен, что замеченные недостатки ныне уже исправлены и что путём дружной работы, тщательного составления и своевременного освежения мобилизационных планов, путём фактической поверки всех мобилизационных расчётов, мобилизационная подготовка будет доведена до безукоризненного состояния» [13, **Приказ № 368, от 31 октября 1896 г.**].

К сожалению, многие из замеченных недостатков были следствием того самого преимущественно хозяйственного отношения к войскам, о котором писал не только А.П. Будберг, но и почти все очевидцы, включая иностранцев [19, с. 156–158]. При хроническом недостатке гражданского населения, та огромная роль, которую играли войска в освоении и развитии российского Дальнего Востока, долгие годы сказывалась на их выучке, боевой подготовке, а главное – мобилизационной готовности, самым неблагоприятным образом. Переломить эту ситуацию за один год было невозможно при всём желании.

Именно поэтому, несмотря на то, что на исправление всех этих недостатков было обращено самое серьёзное внимание, и мобилизационная готовность войск Приамурского военного округа после 1895 г. постоянно повышалась, многие из них продолжали периодически всплывать и в

дальнейшем. Например, при поверке зимой 1899 г. 8-ми часовой пробной мобилизации в 6-м и 7-м Восточно-Сибирских стрелковых полках дислоцировавшихся в урочище Новокиевское. Мобилизационная готовность 6-го полка оказалась достаточно высокой, но обоз его не был смазан, при некоторых двуколках не было сальниц, инструмент для откупориванья жестяных коробок с патронами был лишь в одной патронной двуколке, а реальная укладка офицерского обоза не сходилась с ведомостями. В мобилизационный дневник полка не были внесены изменения, вызванные выводом поста из Красносельской заставы, а из полковой канцелярии не были препровождены в роты списки нижних чинов, не идущих в поход по разным причинам.

Замечаний к 7-му Восточно-Сибирскому стрелковому полку было значительно больше, но среди выявленных недостатков оказалось много вполне типичных для дальневосточных частей: делопроизводство, обоз, обувь и т.д. Например, обоз не был смазан, а большинство двуколок не имели ни тормозов, ни приспособлений для припряжки второй лошади. Артельных двуколок оказалось только 7, т.е. при таком количестве две роты должны были быть распределены на довольствие между остальными.

Продовольственные двуколки были уложены без всякого порядка и без соблюдения условий хранения как самого груза, так и двуколки. Сам, груз был разложен, не принимая в расчёт тактического деления полка, а однородный груз не распределён по двуколкам между ротами. Так, сахар на весь полк лежал в одной двуколке. Сапоги у большинства нижних чинов полка были сильно поношенные, с заплатами, а вместо второй пары сапог были всем выданы бродни.

Не лучше обстояло дело и с документами, ибо ведомость вещам, которые надо взять в поход, не соответствовала действительности. Не было ведомости остающегося имущества нестроевой роты, да и необходимая при мобилизации передача описей разного рода имущества тоже не была исполнена. В мобилизационном дневнике полка в обязанности заведующего хозяйством напрасно включили распоряжения, делаемые им по уходе полка, но зато в него не было внесено число людей, выступивших в поход. Более того, в полку не было даже приказа о мобилизации [11, **Замечания Командующего войсками Приамурского военного округа, сделанные во время производства пробной мобилизации, зимою 1899 года. // Приложены к Приказанию № 29 от 10 февраля 1900 г.**]

Таким образом, поверочные мобилизации оказались достаточно эффективным способом проверки и оценки мобилизационной готовности войск, позволяющим своевременно выявить большую часть недоработок в этой сфере и частично их устранить. В результате, даже имевшиеся недостатки не помешали войскам Приамурского военного округа успешно отмобилизоваться в 1900 г., 1904 г. и 1914 г. и прекрасно проявить себя в Китайском походе 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой мировой войне 1914–1918 гг.

Литература

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I-II. Владивосток: Дальнаука, 2013–2014.
2. Авилов Р.С. От Крымской до Гражданской войны: к вопросу о периодизации истории военно-сухопутных сил Российской Империи на Дальнем Востоке (1850–1918 гг.) // *European Social Science Journal*. 2013. № 2. С. 310–318.
3. Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2013. 243 с.
4. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // *Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны*. № № 58, 59–60, 68–69. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.
5. Василевский. Руководство для штаб-офицеров и капитанов, подвергающихся испытанию при зачислении в кандидаты на должности уездных воинских начальников и справочная книга для уездных воинских начальников. Испр. и доп. (по 1 февраля 1910 г.) Н. Ходорович. 7-е изд. СПб.: Изд. В. Березовского, 1910. 793 с.
6. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1918. Т. 3. 348 с.
7. Военная энциклопедия. Т. 16. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. С. 321–640.
8. Ефимов Г. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М.: Госполитиздат, 1958. 423 с.
9. Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909. 557 с.
10. Наставление для мобилизации частей действующей и резервной пехоты. Свод указаний и соображений по исполнению мобилизационных работ в частях действующей и резервной пехоты. Испр. по 1 января 1888 г. СПб.: Военная типография, 1888. 68 с.
11. Приказания войскам Приамурского военного округа за 1900 г. Хабаровск, Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1900.
12. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1895 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1336.
13. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1896 г. Хабаровск, Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1896.
14. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1. СПб., 1910. 857 с.
15. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 60. СПб., 1895. 204 с.
16. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2005. 624 с.
17. Foster J.W. *Diplomatic Memoirs*. 2 vols. Boston and N. Y., 1909. Vol. 2. 339 p.
18. Morse H.B. *The international relations of the Chinese Empire*. Vol. III. 1894–1911. N. Y., Bombay, Calcutta, 1918. 530 p.
19. Norman H. *The Peoples and Politics of the Far East*. Lnd.: T. Fisher unwin, 1895. 608 p.
20. Paine S.C.M. *The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy*. New York, 2010. 412 p.
21. *The secret memoirs of Count Tadasu Hyashi*. Ed. by A.M. Pooley. N. Y., Lnd., 1915. 331 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CH. I-II. Vladivostok: Dal'nauka, 2013–2014.

2. Avilov R.S. Ot Krymskoj do Grazhdanskoj vojny: k voprosu o periodizatsii istorii voenno-sukhoputnykh sil Rossijskoj Imperii na Dal'nem Vostoke (1850–1918 gg.) // *European Social Science Journal*. 2013. № 2. S. 310–318.
3. Avilov R.S. Razvitie voenno-sukhoputnykh sil Rossii na Dal'nem Vostoke (1865–1895 gg.). Dis. ... kand. ist. nauk. Vladivostok, 2013. 243 s.
4. Budberg A.P., baron. Sibirskie vospominaniya (1895–1904) // *Vestnik Obshhestva Russkikh Veteranov Velikoj vojny*. № № 58, 59–60, 68–69. Iz fondov Muzeya russkoj kul'tury v g. San-Frantsisko.
5. Vasilevskij. Rukovodstvo dlya shtab-ofitserov i kapitanov, podvergayushhikhsya ispytaniyu pri zachislenii v kandidaty na dolzhnosti uezdnykh voinskikh nachal'nikov i spravochnaya kniga dlya uezdnykh voinskikh nachal'nikov. Ispr. i dop. (po 1 fevralya 1910 g.) N. KHodorovich. 7-e izd. SPb.: Izd. V. Berezovskogo, 1910. 793 s.
6. Vasil'ev A.P. Zabajkal'skie kazaki. Istoricheskij ocherk. CHita, 1918. T. 3. 348 s.
7. Voennaya ehntsiklopediya. T. 16. SPb.: T-vo I.D. Sytina, 1914. S. 321–640.
8. Efimov G. Vneshnyaya politika Kitaya 1894–1899 gg. M.: Gospolitizdat, 1958. 423 s.
9. Kuropatkin A.N. Zapiski generala Kuropatkina o Russko-yaponskoj vojne. Itogi vojny. Berlin, 1909. 557 s.
10. Nastavlenie dlya mobilizatsii chastej dejstvuyushhej i rezervnoj pekhoty. Svod ukazanij i soobrazhenij po ispolneniyu mobilizatsionnykh rabot v chastyakh dejstvuyushhej i rezervnoj pekhoty. Ispr. po 1 yanvarya 1888 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1888. 68 s.
11. Prikazaniya vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1900 g. Khabarovsk, Tip. SHTaba Priamurskogo voennogo okruga, 1900.
12. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1895 g. // GAKHK. NSB. Ed. khr. 1336.
13. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1896 g. Khabarovsk, Tip. SHTaba Priamurskogo voennogo okruga, 1896.
14. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoi komissii po opisaniyu russko-yaponskoj vojny. T. 1. SPb., 1910. 857 s.
15. Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. 60. SPb., 1895. 204 s.
16. Sukhomlinov V.A. Vospominaniya. Memuary. Mn.: KHarvest, 2005. 624 s.
17. Foster J.W. Diplomatic Memoirs. 2 vols. Boston and N. Y., 1909. Vol. 2. 339 p.
18. Morse H.B. The international relations of the Chinese Empire. Vol. III. 1894–1911. N. Y., Bombay, Calcutta, 1918. 530 p.
19. Norman H. The Peoples and Politics of the Far East. Lnd.: T. Fisher unwin, 1895. 608 p.
20. Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. New York, 2010. 412 p.
21. The secret memoirs of Count Tadasu Hyashi. Ed. by A.M. Pooley. N. Y., Lnd., 1915. 331 p.